

Демократизация и модернизация в контексте трансформаций постсоветских стран

Андрей Рябов,

*Член научного совета Московского центра Карнеги,
главный редактор журнала «МЭиМО» (Россия)*

Взаимоотношение демократизации и модернизации в обществах переходного типа — одна из важнейших теоретических проблем, напрямую затрагивающих и практическую политику. Остро стоит она и применительно к постсоветскому пространству, где трансформационные процессы последних двух десятилетий опровергли упрощенные представления о том, что демократизация неизбежно ведет к глубокой социальной модернизации.

Постсоветский опыт: демократизация без модернизации

В российском политическом лексиконе 1990-х годов термин «модернизация» применялся преимущественно к двум взаимосвязанным процессам того времени: демократизации политической системы и проведению либеральных экономических реформ. И хотя в научной литературе высказывались мнения о том, что модернизация — это гораздо более сложное и многоплановое явление и ее результативность не всегда напрямую обусловлена про-

* См., например: **Красильщиков, Виктор**. *Вдогонку за ушедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций*, Москва: РОССПЭН, 1998.

цессами демократизации*, в сознании политического класса господствовали другие представления. Экономическое развитие, создание современной структуры народного хозяйства, рост благосостояния населения считались неизбежными, предопределенными и безальтернативными результатами той политики, которую вознамерилось проводить тогдашнее руководство России. Поскольку выбранный курс считался «единственно верным», для успеха модернизации требовались только решительность и последовательность власти в деле реализации намеченных демократических и либерально-рыночных реформ.

Однако уже к середине 1990-х стало очевидно, что столь прямолинейное понимание модернизации не прошло проверку временем. Демократизация и создание рыночных основ хозяйственной системы сопровождались экономическим упадком, закреплением односторонней топливно-сырьевой направленности экономики, деградацией целых ее отраслей, социальной инфраструктуры и ухудшением качества человеческого капитала. В экономическом развитии стали отчетливо просматриваться черты регресса и деиндустриализации, применительно к которым в политическом лексиконе даже стал употребляться термин «демодернизация»*. Аналогичные процессы прослеживались и в других государствах постсоветского пространства — как в тех, что одновременно вместе с Россией попытались проводить демократические и рыночные реформы (Молдавия, Армения), так и в тех, которые максимально сохраняли каркас прежней общественной системы, по возможности приспособив его к изменившимся условиям новой исторической эпохи (государства Центральной Азии). Затронули они и страны, избравшие иные модели изменений, соединявшие довольно последовательные либерально-рыночные реформы с сохранением авторитарной системы правления (Казахстан), либо политическую плюрализацию с умеренными экономическими переменами (Украина, Грузия). Таким образом, очевидно, что демократизация постсоветского пространства не привела к его модернизации.

Между тем данная констатация не дает объяснений происшедшего. Для понимания взаимосвязи демократизации и модернизации в ходе посткоммунистической трансформации на пространс-

* См.: **Явлинский, Григорий.** *Демодедернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы*, Москва: ЭПИЦентр, 2003.

Демократизация и модернизация в контексте трансформаций...

тве бывшего СССР требуется последовательно рассмотреть три группы вопросов. Первая связана со спецификой процессов демократизации, которая, в отличие от государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), не была глубокой и последовательной. Более того, в ряде постсоветских стран* попытки демократизации впоследствии сменились возвратными авторитарными тенденциями (Азербайджан, Белоруссия, Россия, Армения). Вторая группа вопросов сводится к выяснению возможностей и границ демократизации в условиях той общественной модели, которая сложилась на постсоветском пространстве. Вполне вероятно, что она не сводима к «замороженному» демократическому транзиту, а представляет собой самостоятельный тип общественного устройства — устойчивый и прочный. И наконец, третья группа вопросов касается опций для модернизации обществ постсоветского типа в их нынешнем состоянии (возможно — и без осуществления демократизации).

Ограниченная демократизация

Сравнение государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, со странами ЦВЕ позволяет лучше понять непоследовательность и ограниченность результатов демократизации на постсоветском пространстве. Здесь, в отличие от государств ЦВЕ, политическим изменениям конца 1980-х — начала 1990-х годов не предшествовала веберовская «революция ценностей». В бывшей Чехословакии, Польше или Венгрии национальный консенсус вокруг целей развития — установления демократии и возвращения в семью европейских народов — сложился задолго до того, как «бархатные революции» 1989 года ниспровергли коммунистический общественный строй и его институты. Огромную роль в этом сыграли антисталинистское народное восстание в Венгрии в октябре 1956 года, многочисленные массовые антикоммунистические выступления в Польше в 1968, 1970 и 1980 годах, а также «Пражская весна» 1968 года. Все эти события окончательно подорвали легитимность прежнего общественного строя. В Советском Союзе начатая при Михаиле Горбачеве либерализация не воспринималась большинством общества

* В понятие постсоветских стран мы не включаем государства Балтии, которые сразу же после распада СССР дистанцировались от других стран, образовавшихся на развалинах Советского Союза, отказавшись от участия в каких-либо проектах сотрудничества с ними. Поэтому, будучи связанными с постсоветскими странами общей историей, в политическом плане они сильно отличаются от них. Типология социально-экономических и политических систем стран Балтии иная, чем у государств СНГ.

как разрыв с прежней социальной системой, но предполагала утверждение новой шкалы ценностей и переход к созданию иных по своей природе институтов и отношений. Демократизация расценивалась преимущественно как процесс быстрого приобщения общества к высоким западным потребительским стандартам. Это объяснялось тем, что в СССР 1970–1980-х годов сложилось относительно развитое общество потребления, растущие интересы которого не могли быть удовлетворены в рамках советской системы, однако в отличие от стран ЦВЕ так и не возникло гражданского общества. Не случайно ниспровержение коммунистического порядка и начало трансформации связываются современными российскими экономистами и социологами с «потребительской революцией». Группы же, ориентированные на превращение общества в либеральную демократию западного типа и полагавшие, что главное — это восприятие населением новых ценностей и создание других институтов, были в СССР слабы и малочисленны, не пользовались широкой поддержкой населения.

Заметим: подъем агрессивного национализма и консервативно-популизма в некоторых странах ЦВЕ во второй половине 2000-х годов показал, что не стоит переоценивать уровень прогресса этих государств в освоении демократических ценностей. На поверку декларирование новых ценностей для многих граждан свелось лишь к стремлению передвигаться по Европе без границ и иных разделительных линий, повысив при этом свое материальное благополучие. И все же в сравнении с постсоветскими странами разница выглядит очень внушительно. Даже серьезные экономические трудности не спровоцировали здесь требований свертывания или ограничения демократических свобод. На постсоветском же пространстве первое столкновение с трудностями переходного периода в начале 1990-х годов способствовало тому, что инструментальная привлекательность демократических принципов и ценностей в массовом сознании поблекла. Важнейшим результатом этого стало терпимое отношение населения к нарушению демократических правил и процедур, к изъятию некоторых из них из законодательства и общественно-политической практики. Не менее значимым следствием разочарования в инструментальной эффективности демократии стал отказ от активного политического участия, которое в 1990-е годы постепенно стало ограничиваться голосованием на выборах. К таким изменениям социального поведения побуждала и тяжелая экономическая ситуация того периода, когда большинство граждан, не имея навыков жизни в условиях рынка,

Демократизация и модернизация в контексте трансформаций...

были вынуждены сконцентрироваться на осуществлении индивидуальных стратегий выживания.

Подобная ситуация оказалась выгодной новым правящим элитам, которые быстро научились манипулировать электоральными процедурами и создали механизмы, призванные обеспечить их бессменное сохранение у власти. Этим элитам, не чувствовавшим давления со стороны европейских структур, удалось отсеять от конкуренции за власть альтернативные политические силы. Монополизация власти и концентрация контроля над основными активами национальных экономик в руках привилегированных групп, связанных с правительством, стали основанием для возникновения новых общественных систем на постсоветском пространстве. В силу этих причин здесь оказалась затруднительной реализация принципов верховенства закона, а элиты получили неограниченную автономию от общества, что затруднило внедрение в политическую практику ключевых принципов демократии — ответственности власти перед народом и публичного контроля над властными институтами со стороны общества.

Иными словами, эти изменения создавали серьезные ограничители для продолжения демократизации. В таких условиях в ряде стран новые правящие элиты воспользовались кризисом доверия к демократии и начали постепенно восстанавливать авторитарные порядки. В других случаях этому помешали глубокие расколы и противоречия внутри правящих элит, препятствовавшие их консолидации на основе реставрации прежних авторитарных порядков. Но даже там, где прямого отката к авторитаризму не произошло, демократизация приостановилась в силу чрезмерной концентрации ресурсов в верхних социальных группах и снижения интереса к демократическому политическому участию среди массовых общественных слоев.

Почти для всех постсоветских стран, за исключением, может быть, России, строительство национальной государственности в 1990-е годы было абсолютно новым делом. Одни из них и вовсе не имели опыта собственной национальной государственности (страны Центральной Азии и Казахстан); у других этот опыт в новейшую историю был кратким и ограничивался периодом гражданской войны на территории бывшей Российской империи в 1918–1921 годах (Украина, Молдавия, Белоруссия, государства Южного Кавказа). В условиях, когда большая часть населения постсоветских стран вела борьбу за выживание, политической платформой, на которой мог строиться национальный консенсус, стала идея стабильности, предполагавшая отказ от продолжения дальнейших системных пре-

образований, в том числе и в сфере политики. В общественном же мнении эта идея преимущественно воспринималась как антипод демократии, интерпретировавшейся в качестве синонима хаоса и несправедливости.

Распад Советского Союза ознаменовался стремительным крахом прежних социальных и политических институтов. Но для понимания причин неудачной, ограниченной демократизации важно то, что и в последующие годы ни в новых элитах, ни в обществе так и не возникло запроса на создание новых устойчивых институтов. К сожалению, причина этого явления практически не изучена. В литературе лишь иногда высказываются отдельные предположения и догадки на сей счет. Так, согласно весьма обоснованной, на наш взгляд, версии, ответ нужно искать в корпоративной природе советского строя и особенностях его трансформации*. Функционирование советской системы обеспечивалось безраздельным доминированием Коммунистической партии, которая, по сути, играла роль института, интегрирующего интересы ведомственных, отраслевых и территориальных корпораций. Развал Советского Союза привел к ликвидации КПСС, и корпорации получили неограниченную свободу действий. Они стали захватывать ресурсы и приватизировать активы, стремясь одновременно к увеличению административной и бюджетной ренты. В условиях, когда перед новыми элитами встала задача перевода в частную собственность ведущих предприятий и компаний, система, где не действуют жесткие правила игры и, стало быть, не нужны обеспечивающие их институты, оказалась более привлекательной, чем регулируемая устойчивыми структурами и общепринятыми процедурами. Кроме того, новым правящим слоям поскорее хотелось избавиться от пережитка старой общественной системы — социальной ответственности, патерналистской опеки над обществом. Эти устремления играли заметную роль и впоследствии. Новые возможности открывались всякий раз, когда правящие элиты провозглашали очередную попытку либеральных хозяйственных реформ**. Слабые институты фактически выдавали «индულгенцию» на подобное «освобождение». Его результатом становился дальнейший рост неравенства между разными группами населения, что становилось еще одним препятствием для развития и углубления демократизации.

* См.: **Простаков, Игорь**. «Корпоративизм как идеал и реальность» в: *Свободная мысль*, № 2, 1992.

** См.: **Деягин, Михаил**. *Россия после Путина: неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?* Москва: Издательство «Вече», 2005, с. 39.

Как ни странно, но сдерживающее влияние на развитие демократизации сыграли и факторы внешнеполитического характера. Эпоха «торжества либеральной демократии в мировом масштабе», воспринимавшаяся как «конец истории», создавала уникальные возможности для демократических изменений. В мире не существовало глобальных и национальных проектов будущего, которые по привлекательности могли соперничать с западным общественно-политическим воплощением либерально-демократической идеи. В этих условиях апелляция к демократическим ценностям и процедурам стала для политиков постсоветских стран, в том числе и тех, кто не собирался отказываться от авторитарных порядков, чем-то вроде обязательного протокола*. Примерно так, как в начале XX века, накануне Первой мировой войны, в эру торжества национализма как доминирующей политической идеологии, лидеры великих и малых стран вынуждены были продемонстрировать свою принадлежность националистической традиции, в начале 1990-х годов руководители новых независимых государств провозглашали себя «демократами» и вынуждены были как минимум имитировать институты и процедуры, характерные для демократических стран. Этот феномен и получил название «имитационной демократии».

Но в то же время влияние на постсоветское пространство западных стран, являвшихся двигателями и лидерами демократического прогресса, было неоднозначным и противоречивым, что особенно заметно в сравнении с ролью международного фактора в трансформации государств ЦВЕ. Поскольку одной из главных целей их политики было стремление вступить в Европейский Союз, предъявляемые последним требования по осуществлению демократических и рыночных реформ стали для государств ЦВЕ мощным стимулом развития. Требования перед кандидатами на членство в ЕС, изложенные в *acquis communautaire*, играли роль мощного инструмента давления на новые посткоммунистические элиты. Но даже при всей значимости европейского влияния на страны ЦВЕ его результаты оказались неодинаковыми при их вступлении в ЕС. Позиции «транзитных» элит в государствах с более высоким уровнем экономического развития и длительными демократическими традициями (Чехия, Польша, Словения, в меньшей степени — Венгрия) оказались подорваны куда сильнее, чем в балканских государствах (Румынии, Болгарии), где сказывалось сильное влияние авторитарного наследия и традиционных обществ.

* Фурман, Дмитрий. «Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве» в: *Свободная мысль-XXI*, 2004, № 10.

Для постсоветских государств вступление в ЕС никогда не являлось задачей практической политики. Поэтому местные «транзитные элиты» были свободны от какого-либо внешнего давления в плане принуждения к экономическим реформам и демократизации. Что же касается США, то их отношение к трансформационным процессам на постсоветском пространстве носило более сложный характер. Американские правящие круги в 1990-е годы реально опасались возможности коммунистической реставрации в крупнейших и наиболее мощных странах региона — в России и на Украине. Поэтому они сделали однозначную ставку на поддержку находившихся у власти в этих государствах элит, провозгласивших антикоммунизм своей официальной политикой и поощрявших формирование частной собственности и рыночных отношений, успешное утверждение которых сделало бы реставрацию коммунизма невозможной. Ради достижения этой цели США были готовы в значительной мере поступиться задачами продолжения демократизации. Они никак не реагировали на развитие коррупции, полукриминальную приватизацию, появление финансовых олигархий и массовое попираание элементарных социальных прав. Американские правящие круги поддержали на президентских выборах в России в 1996 году Бориса Ельцина, а в 1999-м на Украине — Леонида Кучму, хотя к тому времени было очевидно, что оба эти политика полностью утратили реформаторский потенциал. Но поскольку в обоих случаях их главными соперниками были лидеры компартий, опасения коммунистического реванша перевесили заинтересованности в демократизации. Применительно к государствам Центральной Азии США сделали ставку на авторитарные режимы, созданные новыми постсоветскими лидерами — выходцами из верхушки бывшей коммунистической номенклатуры. В них они видели прежде всего реальное препятствие распространению радикального ислама в регионе, который в условиях глубокого социального кризиса и распада патерналистских структур советского типа получил благоприятную почву для развития. Словом, и в этом случае задачи поддержки демократизации отходили на второй план по сравнению с целями сохранения определенного, выгодного для США, миропорядка и поддержания балансов на глобальном уровне.

Таким образом, в силу всех вышеперечисленных причин потенциал и реальные возможности демократизации в постсоветских странах изначально оказались ограниченными, в том числе и по сравнению с государствами ЦВЕ. В свою очередь и общественные

Демократизация и модернизация в контексте трансформаций...

системы, сформировавшиеся к концу 1990-х годов на территории бывшего Советского Союза, были в значительной степени инерционными и не способными к дальнейшему внутреннему саморазвитию.

Постсоветские страны как новая политэкономическая модель

В современной литературе, как западной, так и российской, не существует доминирующего подхода к теоретическому описанию данных обществ. По-прежнему присутствует, но гораздо слабее, чем в 1990-е годы, стремление интерпретировать их как одно из проявлений «демократического транзита» — хотя в новейших трактовках число государств, которые можно расценивать в таких категориях, резко сокращено: в него не входят Казахстан, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан и Белоруссия. Согласно этой точке зрения «применительно к данным странам реалистическая повестка дня состоит не в демократизации, а в *продолжении модернизационных процессов* в целом и расширении плюрализма — в частности (курсив мой. — А. Р.)»*. Часто политические системы стран, возникших на пространстве бывшего СССР, характеризуются как гибридные, т. е. основанные на несовместимых принципах — «рынка и дирижизма, единовластия и выборов, патернализма и социального равнодушия, свободы и авторитаризма»**. Есть интерпретации, описывающие эти общества в категориях посттоталитарного развития, в ходе которых с ними происходят сложные и подчас разновекторные мутации***. Такое разнообразие указывает на то, что время для разработки новой всеобъемлющей концепции постсоветских трансформаций еще не пришло. Поэтому можно предположить, что в ближайшей перспективе широкое развитие получат полит-экономические исследования постсоветских обществ, открывающие возможности для их комплексного понимания. Пока же имеет смысл сосредоточиться на характеристике системообразующих признаков этих обществ.

Фактически в постсоветских странах сложилась особая разновидность бюрократического капитализма, в которой правящее

* Макаренко, Борис. «Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации» в: *Полития*, 2008, № 3 (50), с. 111.

** Шевцова, Лилия. «Россия — год 2006: логика политического страха» в: *Независимая газета*, 2005, 13 декабря.

*** См.: Гудков, Лев и Дубин, Борис. «Посттоталитарный синдром: "управляемая демократия" и апатия масс» в: Липман, Мария и Рябов, Андрей (ред.) *Пути российского посткоммунизма: очерки*, Москва: Московский центр Карнеги, 2007, сс. 10 — 14.

государственное чиновничество не только монополизировало власть, но и с помощью различных организационно-правовых форм фактически сосредоточило в своих руках контроль над ключевыми активами национальных экономик. Извлечение административной, бюджетной и природной ренты является главным источником доминирования этой элиты в экономике. Прогноз Льва Троцкого и других политических мыслителей XX века о том, что в процессе трансформации сталинского социализма в капитализм номенклатура конвертирует монопольную власть в частную собственность, оказался неточным. Правящие слои сохранили власть и вдобавок получили собственность. Сменяемость различных групп во власти происходит управляемым образом, а парадигма развития остается неизменной. Если управляемость утрачивается, смена власти дает старт новому витку передела собственности, ибо контроль над властными институтами автоматически открывает доступ и к другим ресурсам. И чем меньше ресурсы (природные, финансовые, экономические), тем более жесткий характер приобретает эта борьба. В государствах, где элита не консолидирована, конфликты вокруг собственности выносятся в публичную политику, где стараниями профессиональных пропагандистов им порой придается искусственная идеологическая окраска. В странах, где элита консолидирована вокруг авторитарного лидера, борьба за собственность носит, как правило, деидеологизированный характер. В целом же в постсоветских государствах элиты ориентированы не на развитие, а на сохранение сложившихся общественно-политических систем, обеспечивающих им привилегии и доминирование. Доступ на «политический рынок» новых акторов ограничен. Влияние общества на власть незначительно. Концентрация власти и собственности в одних и тех же руках резко сокращает пространство для публичной конкуренции акторов и идей. В тех странах, где это пространство сохраняется, конкуренция становится формальной, не влияющей на содержание и качество политики. Но самое главное: концентрация ресурсов на одном полюсе делает невозможным появление мощных политических альтернатив, что затрудняет развитие процессов демократизации.

Другая отличительная характеристика общественных систем постсоветских стран заключается в типичной для них слабой институционализации. Это утверждение касается не только политики, но также экономической и социальной среды. В процессе выхода из коммунизма прежние институты были сломаны, а за последующие двадцать лет устойчивые новые институты так и не сложились.

Демократизация и модернизация в контексте трансформаций...

Как следствие, политические институты часто реформируются в угоду текущей конъюнктуре и быстро меняющимся балансам сил. Так, в России за минувшее двадцатилетие по три раза менялся порядок формирования верхней палаты парламента — Совета Федерации и избрания (назначения) губернаторов. Долгое время считалось, что на фоне общей слабости прочих институтов только президент является гарантом устойчивости всей политической системы. Однако возникновение после президентских выборов 2008 года новой конструкции исполнительной власти опровергло эти представления. Без изменений в Конституции реальная власть перетекла к премьер-министру, который в соответствии с Основным Законом является относительно слабым и зависимым от главы государства органом.

Слабость политических институтов проявляется и в том, что в большинстве постсоветских стран сложились персоналистские политические режимы (Россия, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения, государства Центральной Азии), в большинстве которых существует резкий дисбаланс полномочий в пользу президентской власти, а функции парламентов ограничены или сведены лишь к законодательному оформлению решений исполнительной власти. В большинстве этих стран так и не сложились устойчивые нормы и процедуры передачи власти. Демократическая форма передачи власти, основанная на альтернативных выборах с непредсказуемым результатом, оказалась неприемлемой, но не сохранилась и прежняя, номенклатурная система (существующая поныне в Китае или Вьетнаме), основанная на жестких внутривнутрипартийных правилах и инструкциях. Итогом отторжения этих моделей стало появление новой гибридной формы, при которой уходящий лидер определяет кандидатуру преемника, утверждаемого на выборах с заранее предсказуемым результатом. Неустойчивость этой формы (ее основанность не на праве и официальных процедурах, а на неформальных договоренностях) порождает ситуацию неопределенности задолго до выборов, в результате чего конкурирующие группы сосредоточиваются не на реализации целей общенациональной политики, а на проталкивании собственных групповых и корпоративных интересов.

Слабость экономических институтов проявляется не только в их частой изменчивости, но и в том, что они не могут обеспечить права собственников и приостановить принявший перманентный харак-

* См.: **Афанасьев, Михаил.** *Невыносимая слабость государства*, Москва: РОССПЭН, 2006, сс. 35 — 37.

тер процесс передела собственности. У элит не возникает запроса на игру по правилам и готовности уважать закон, жить в соответствии с его требованиями. В таких условиях прогресс демократии становится трудно реализуемой целью.

Третья особенность постсоветских общественных систем, тесно связанная с их институциональной слабостью, состоит в том, что властные отношения в этих государствах строятся на принципах личной зависимости, «клиентелизма»*, патримониализма. Разрушение институциональных связей внутри государственного аппарата привело к тому, что отношения между чиновниками стали строиться на личностной основе. Эта особенность была перенесена и на политическую элиту. И чем чаще политическая элита рекрутировалась из государственной бюрократии, тем существеннее становилось в политических кругах влияние клиентелистских отношений. В то же время в отсутствие идеологических основ консолидации элит, повсеместного распространения, говоря словами К. Маркса, «кулачного права» и «права привилегии» вместо формального равенства граждан перед законом* властные отношения описанного типа, как и способы доминирования новых элит, стали напоминать феодальные**. Главным критерием мощи и влияния групп интересов в такой системе стала способность их лидеров консолидировать и расширять объемы контролируемых бюрократических ресурсов. Правда, в этой особенности кроется и причина их неустойчивости: при утрате лидером бюрократической позиции группа обычно распадается***. В государствах Центральной Азии и Южного Кавказа гораздо большую роль, чем в России, в конструировании системы властных отношений и при формировании групп интересов играют клановые и земляческие общности. Но и в том, и в другом случаях подобные формы значительно сужают возможности демократизации.

Пределы демократизации

После такого описания системообразующих признаков постсоветских общественных систем уместно поставить вопрос: каковы реальные рамки и возможности демократизации в этих условиях?

* См.: Маркс, Карл и Энгельс, Фридрих. *Сочинения*, изд. 2-е, т. 1, с. 346; т. 41, с. 358; т. 46, ч. 1, с. 24.

** См.: Шляпентох, Владимир. *Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру*, Москва: Столица-Принт, 2008, сс. 233–265.

*** См.: Нисневич, Юлий. *Аудит политической системы посткоммунистической России*, Москва: Издательство «Материк-Альфа», 2007, сс. 236–237.

Исходя из того, что политэкономическая основа подобных обществ предопределяет стремление правящих элит к ослаблению независимых от государства политических, социальных и экономических акторов, ограничению их деятельности, а также к вертикализации отношений власти и общества, развитие демократических процессов в постсоветских странах может затрагивать лишь определенные общественные сферы. В частности, как показывает опыт таких стран, как Украина и Молдавия, переживших в результате свободных выборов соответственно три и четыре смены власти, вполне реальным является создание эффективно действующих электоральных демократий. Их появление явилось результатом взаимодействия целого ряда факторов: глубокой политико-экономической дифференциации элит и отсутствия у них единого центра консолидации; политико-географических различий внутри страны (Украина); неодинакового видения правящими кругами перспектив развития государства (Молдавия), заметного влияния в национальных политических культурах идей толерантности и компромисса (Украина, Молдавия). Эти особенности обуславливают развитие открытой публичной конкуренции между разными группами элит, становление «верхушечного плюрализма» и определенных правил игры, предполагающих обязательность взаимного учета интересов, необходимость заручаться поддержкой населения через свободные выборы.

Поскольку элиты в условиях конкуренции между собой стремятся в то же время ограничить участие граждан в политике лишь их голосованием на выборах, политические системы в этих странах ближе всего напоминают те, которые Р. Даль назвал «конкурирующими олигархиями»*. Появление таких систем, означающее определенный прогресс в демократизации, нельзя исключать и в других постсоветских государствах. Но для этого необходимы два условия: раскол в элитах по политико-идеологическим или кланово-субэтническим основаниям и их готовность играть по правилам. С данной точки зрения страны, имеющие традицию публичной конкуренции элит (Грузия, Армения, Киргизия, Таджикистан), имеют лучшие шансы для демократического прогресса — но камнем преткновения для них часто становится неспособность и неготовность элит выполнять определенные правила игры (Киргизия, Таджикистан, в меньшей степени Грузия). Что же касается России, то ее политическая система в 1990-е годы также напоминала «конкурирующие олигар-

* **Dahl, Robert.** *Poliarchy: Participation and Opposition*, New Haven (Ct.): Yale Univ. Press, 1971, p. 7.

хии», хотя стремления к игре по правилам у элит не наблюдалось и в тот период. Однако в 2000-е годы, во многом под влиянием многолетней политической традиции авторитаризма, опасений излишней активизации населения, произошел откат системы к привычной «закрытой гегемонии» (по Роберту Далю), при которой политическое участие граждан находится на очень низком уровне, а конкуренция элит осуществляется в непубличном режиме. Пока нет серьезных признаков, которые указывали бы на желание российских элит отказаться от этого режима функционирования. Впрочем, в случае возникновения раскола в верхах, обусловленного, например, глубоким социальным кризисом и резким сокращением ресурсов, находящихся в распоряжении властных элит, возможна ситуация, когда часть правящего слоя в целях самосохранения вынуждена будет обратиться к идеям, объективно работающим на изменение системы, и апеллировать за массовой поддержкой к населению. Последствия такого сценария развития будут рассмотрены ниже.

Возможности для модернизации и потребности в демократизации

Признание ограниченности перспектив демократизации в условиях сохранения нынешней модели развития постсоветских государств актуализирует в политической повестке дня вопрос о возможности проведения модернизации без демократизации. Очевидно, что такая постановка проблемы имеет неодинаковый смысл применительно к разным группам государств. Так, для аграрных стран Центральной Азии и в какой-то мере Азербайджана повесткой дня модернизации должно создать создание современного индустриального общества (которое пока носит эксклавный характер), преодоление отсталости и традиционных укладов жизни. Опыт XX века наглядно показывает, что подобные изменения вполне могут быть эффективно осуществлены и в рамках авторитарной модернизации. Однако к настоящему времени ни одно из государств этого региона даже не приблизилось к реализации таких стратегий. Только в Казахстане предпринимаются активные шаги по формированию современной, образованной элиты, которая соответствовала бы уровню требований и вызовов XXI столетия и воспринималась бы мировой элитой как «своя». Проводится также политика открытости к разным культурным влияниям с Запада и Востока. Тем не менее даже эти шаги пока не привели к серьезным структурным преобразованиям экономики и социальной сферы,

Демократизация и модернизация в контексте трансформаций...

которые позволили бы говорить о реальном повороте в сторону политики модернизации.

Возможности авторитарной модернизации индустриальных стран, расположенных в европейской части постсоветского пространства, включая находящиеся на Южном Кавказе Армению и Грузию, представляются еще менее реалистичными. Обычно в качестве аргумента в пользу этой точки зрения приводится утверждение, что в истории XX века нет примеров успешного осуществления авторитарных модернизаций, превращавших индустриальные общества в постиндустриальные. Главная проблема этого региона — как стран, перед которыми стоит задача создания современных индустриальных обществ, так и государств, где повесткой дня должно стать осуществление постиндустриальной модернизации, — состоит в том, что местные правящие элиты не заинтересованы в масштабных изменениях, а ориентированы на сохранение *status quo*, при том что консолидация влиятельных социальных и политических акторов, способных предложить и продвигать альтернативные стратегии действий в условиях существующих политических систем крайне затруднена. Но даже если у части правящей элиты возникает понимание необходимости модернизации (как в России), реализация подобной стратегии блокируется тем, что политическая элита фактически не отделена от бюрократической, не стоит над ней.

В связи с этим уместно обратиться к опыту современного Китая. Одна из причин успешной авторитарной модернизации этой страны как раз и состоит в том, что она проводится под руководством самостоятельной в своих действиях политической элиты, а бюрократия выполняет роль исполнителя ее воли. На постсоветском пространстве все проекты авторитарной модернизации так или иначе связываются с надеждами на преобразовательную роль современного государства, представленного в первую очередь не институтами, а бюрократией, которая в период посткоммунистической трансформации превратилась в охранителя существующего политического порядка. Инстинктивно чувствуя свой интерес к проектам модернизации, в которых решающая роль отводится государству, бюрократия формально готова принять и поддержать такие проекты. Это не случайно, поскольку их реализация обещает значительное расширение возможностей для извлечения бюджетной и административной ренты. В результате на практике модернизационные программы неизбежно сводятся и будут сводиться к попыткам осуществления затратных и неэффективных инфраструктурных про-

ектов, имитации отдельных примеров достижений в сфере технических изобретений и разработок новых технологий. Высокий уровень коррупции станет неотъемлемым атрибутом этой деятельности. Все это будет еще одним подтверждением часто повторяемого в современной литературе тезиса о том, что при осуществлении постиндустриальных модернизаций системы, основанные на свободной конкуренции рыночных сил и максимальном задействовании индивидуальной инициативы, оказываются более успешными и эффективными, чем проекты, главным актором в которых остается государство.

Поэтому для индустриальных постсоветских стран — таких, как Россия, Украина и Белоруссия, перспективы успешной модернизации могут связываться лишь с их поступательной демократизацией. Причем демократия в этом случае должна выступать не только в качестве электоральной модели, но сформироваться как политический порядок с устойчивыми институтами и общепринятыми правилами игры. Стимулом для подобных сценариев и, стало быть, к выходу за пределы нынешней постсоветской модели развития может стать осознанный (а не декларативный), основанный на общенациональном консенсусе выбор в пользу евроатлантической интеграции (для Украины и Белоруссии). В этом случае внешний фактор Евросоюза будет играть применительно к этим странам ту же роль, которую ранее выполнял по отношению к государствам ЦВЕ, причем даже к тем из них, где базовые условия для демократизации были не очень зрелыми (Болгария, Румыния).

Но помимо внешнего фактора значимую роль в инициировании демократизации могут сыграть и внутренние возможности развития. Тот факт, что при нынешнем состоянии постсоветских обществ эти возможности пока не просматриваются, не означает, что исторический шанс для демократизации в перспективе отсутствует. Следуя логике сторонников функционального подхода в теориях демократических транзитов*, можно предположить, что такой шанс способен появиться в результате раскола элит, вынуждающего какую-то часть ее обратиться к новым идеям и за массовой публичной поддержкой. Но в любом случае перспективы и демократизации, и модернизации могут стать реальными, когда в общественном мнении и в сознании элит состоится так и не завершенная «веберовская» «революция ценностей», означающая переход к рационалисти-

* См.: Мельвиль, Андрей. *Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты)*, Москва: Московский общественный научный фонд, 1999, с. 37.

Демократизация и модернизация в контексте трансформаций...

ческим моделям поведения. Именно эта мифологизация массового сознания, мистификация политических представлений были главным тормозом в выборе Россией оптимальных моделей развития в XX веке**. В значительной мере она поддерживается иллюзорными представлениями о неограниченности российских ресурсов (огромной территории, запасов полезных ископаемых, научно-технических достижений прошлого) — хотя рационализация сознания исходит из понимания ограниченности любых ресурсов. Возможно, что изменения в глобальной экономике и политике, революция в производстве новых видов энергии, переход развитых стран к следующей стадии научно-технического прогресса заставят российские элиты убедиться в эфемерности их представлений о неизменной роли «континента Россия» в мировой цивилизации. Без избавления от этого идейного наследия и связанных с ним мифологизированных представлений о России и ее месте в мире модернизационные проекты, вне зависимости от их содержания, останутся утопиями.

Источники

Dahl, Robert. *Poliarchy: Participation and Opposition*, New Haven (Сt.): Yale Univ. Press, 1971.

Афанасьев, Михаил. *Невыносимая слабость государства*, Москва: РОССПЭН, 2006.

Гудков, Лев и Дубин, Борис. «Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс» в: Липман, Мария и Рябов, Андрей (ред.) *Пути российского посткоммунизма: очерки*, Москва: Московский центр Карнеги, 2007.

Делягин, Михаил. *Россия после Путина: неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?* Москва: Издательство «Вече», 2005.

Иноземцев, Владислав. «О невозможности модернизации России» в: Паин, Эмиль и Волкогонова, Ольга (ред.) *Российская модернизация: споры о самобытности*, Москва: Издательство «Три квадрата», 2008.

Красильщиков, Виктор. *Взгонку за ушедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций*, Москва: РОССПЭН, 1998.

Липман, Мария и Рябов, Андрей (ред.) *Пути российского посткоммунизма: очерки*, Москва: Московский центр Карнеги, 2007

* См.: **Иноземцев, Владислав.** «О невозможности модернизации России» в: Паин, Эмиль и Волкогонова, Ольга (ред.) *Российская модернизация: споры о самобытности*, Москва: Издательство «Три квадрата», 2008, с. 163.

Макаренко, Борис. «Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации» в: *Полития*, 2008, №3 (50).

Маркс, Карл и Энгельс, Фридрих. *Собрание сочинений*, 2-е издание, Москва: Политиздат, 1964 – 1976.

Мельвиль, Андрей. *Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты)*, Москва: Московский общественный научный фонд, 1999.

Нисневич, Юлий. *Аудит политической системы посткоммунистической России*, Москва: Издательство «Материк-Альфа», 2007.

Паин, Эмиль и Волкогонова, Ольга (ред.) *Российская модернизация: споры о самобытности*, Москва: Издательство «Три квадрата», 2008

Простаков, Игорь. «Корпоративизм как идеал и реальность» в: *Свободная мысль*, 1992, № 2.

Фурман, Дмитрий. «Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве» в: *Свободная мысль-XXI*, 2004, № 10.

Шевцова, Лилия. «Россия – год 2006: логика политического страха» в: *Независимая газета*, 2005, 13 декабря.

Шляпентох, Владимир. *Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру*, Москва: Столица-Принт, 2008.

Явлинский, Григорий. *Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы*, Москва: ЭПИцентр, 2003.